

Из истории русского языка

О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кровати тисовѣ» и «схоти ю на кровать»)

Владимир Иванович МАКСИМОВ, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170010737-9

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрена лексема «кровать», представленная в двух «темных» местах «Слова о полку Игореве»: рассказе великого киевского князя Святослава о приснившемся ему зловещем сне и весьма краткой трагической истории юного полоцкого князя Изяслава. Высказано мнение, что в начальной строке рассказа Святослава — «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомою на *кроваты тисовѣ*» — формула «кровать тисова» не имеет обычно придаваемого ей смысла великокняжеской кровати, т. е. реального спального места, а является эвфемизмом и служит для замены совсем другого предмета, оказавшегося в княжеском тереме, — деревянной лавки, на которую обычно клали покойников. В результате рассмотрения истории гибели Изяслава, где лексема «кровать» в первом издании «Слова» присутствует в «темном» месте «И схоти ю на кровать, и рекъ», поддержана ранее выдвинутая другими исследователями версия, что эта лексема появилась в тексте ошибочно как объединение группы слов «[кров а ть]и», и предложено альтернативное прочтение «темного» места — «И къ отцу на кровъ, а тьи рекъ» («И к отцу — укрыться, а тот сказал»), — обеспечивающее целостность контекста и бóльшую ясность всего эпизода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», сон Святослава, кровать тисова, Изяслав, хоти

для цитирования: Максимов В. И. О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кровати тисовѣ» и «схоти ю на кровать») // Русская речь. 2020. № 4. С. 65–79. DOI: 10.31857/S013161170010737-9.

From the History of the Russian Language

On the “beds” in “The Tale of Igor’s Campaign” (“na krovaty tisove” and “skhoty yu na krovat”)

Vladimir I. Maximov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: The article is devoted to the lexeme “bed” in medieval Russian epic poem “Slovo o Polku Igoreve” (“The Tale of Igor’s Campaign”). The word ‘bed’ is mentioned in the novel twice: first, in so called “The dream of Svjatoslav the Great Knyaz of Kiev” and then in the story of the battle of young knyaz (prince) Izjaslav against Lithuanians. The article proposes that in “The dream of Svjatoslav” the phrase “bed of yew” does not refer to the real bed of the Great Knyaz, but is a euphemism, denoting a different object in the *terem* (prince’s residence). It is suggested that “a bed of yew” was a wooden bench, which was traditionally used for putting dead bodies on it. Another theory says that the phrase ‘bed of yew’ is actually a mere fusion of completely different words. The new interpretation of the phrase mentions the unnamed father of Izjaslav and his two brothers. It says that it is plausible that the phrase says: “and came to (his) farther for escape, and that (man) said”. Such interpretation shows the way the phrase is connected to the context and gives a clearer idea of the whole episode.

KEYWORDS: “Slovo o Polku Igoreve”, Svjatoslav’s dream, bed of yew, Izjaslav, khoty
FOR CITATION: Maximov V. I. On the “beds” in “The Tale of Igor’s Campaign” (“na krovaty tisove” and “skhoty yu na krovat”). Russian Speech = Russkaya Rech’. 2020. No. 4. Pp. 65–79. DOI: 10.31857/S013161170010737-9.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве» сообщает, что лексема *кровать* употреблена в тексте памятника дважды. В первом случае она встречается в рассказе великого киевского князя Святослава, излагающего боярам пугающий загадочный сон, приснившийся ему на третий день после гибели войска Игоря в сражении с превосходящими силами половцев, — «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, — рече, — чръною паполомою на *кроваты* тисовѣ», а во втором — в истории юного полоцкого князя Изяслава, погибшего в неравном сражении с литовцами: «а самъ подъ чрълеными щиты на *крававѣ* травѣ притрепанѣ литовскыми мечи. И схоти ю на *кровать* и рекъ...» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 3: 105]. И что характерно, в обоих случаях *кровать* связана со смертью лежащего на ней персонажа: великому князю Святославу приснился сон о том, что он, умерший, лежит на кровати, а израненный в бою Изяслав тоже почему-то должен был умереть на кровати. Отметим, что оба случая употребления относятся к недостаточно ясным, так называемым «темным», местам текста.

Чтобы не вдаваться в подробное описание предложенных разными исследователями версий о кровати Святослава, приведем выдержку из справочной статьи Энциклопедии **кровать** (автор О. В. Творогов), в которой обобщены результаты этих исследований:

«В первом употреблении лексема не вызвала у исследователей сомнений, поскольку сам термин К<ровать> был известен древнерус<скому> яз<ыку> наряду с синонимичными ему “ложе” и “одр” и зафиксирован в памятниках по крайней мере с XIII–XIV вв. Колебания вызывал эпитет “тисов”, в котором предлагали видеть искажение слова “тесовый” (Дубенский). Именно так и переводили данное чтение мн<огие> переводчики XIX в. (В. А. Жуковский, Д. Минаев, Л. Мей, Н. Гербель). Но уже А. Ф. Вельтман указал, что в данном случае прил<агательное> именно “тисовый”, а не “тесовый”, и подчеркнул при этом, что тис “почитается ядовитым, смертельным деревом”, не сделав из этого, впрочем, никаких выводов. В. Н. Перетц привел многочисл<енные> примеры словосочетаний “кровать тисова” и “кровать тесова” из рус<ского> и укр<аинского> фольклора. Б. В. Сапунов доказал безусловную вероятность именования великокняж<еской> К<ровати> именно “тисовой”, а не “тесовой» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 3: 105].

Таким образом, в этом случае употребления рассматриваемого слова все внимание исследователей переключилось на материал, из которого якобы была сделана кровать Святослава, и именно по этому вопросу шла довольно активная дискуссия. При этом сама «кровать», за исключением

комментариев о происхождении слова от греческого *κράββατος*, особого внимания не привлекала. Правда, некоторые участники этой дискуссии полагали, что у слов «кровать тисова» есть не только натуральный, но и иносказательный смысл. Так, Б. В. Сапунов отметил: «Если прямое значение слов “тисовая кровать” выяснено вполне определенно, то другой — иносказательный смысл, вложенный автором в этот образ, еще неясен до конца» [Сапунов 1961: 324]. При этом он дополнительно сослался на аналогичное высказывание Н. В. Шарлеманя: «Надо полагать, что “кровать тисова” в “Слове” имела не только реальное значение, но и утраченный в наше время символический смысл, наподобие “саней” в “Поучении Мономаха”»¹ [Шарлемань 1954: 227]. Однако никаких конкретных предположений об этом смысле не последовало и в переводах и толкованиях «кровать тисова» остается спальным местом Святослава. И только материал, из которого она сделана, якобы придает ей некоторый символический оттенок. Так, в той же Энциклопедии в статье **сон Святослава** говорится:

«“Тисовая” кровать — это, с одной стороны, как ясно из приведенных В. Л. Виноградовой фольклорных параллелей (Словарь. Л., 1984. Вып. 6. С. 31), реальная деталь быта. Однако тис ценился прежде всего за то, что долго не поддавался гниению, его так и называли: “негниющее дерево” (Анненков Н. И. Ботанический словарь. М., 1859. С. 155). Поэтому наряду с кедром тис считался в древности и на Западе и на Востоке самой ценной породой для гроба (тисовый гроб стоил баснословно дорого) и в связи с этим был символом смерти. У Овидия, напр<имер>, тисовая аллея ведет в могильные чертоги (см.: Лонгинов А. В. Слово о полку Игореве. Одесса, 1911. С. 39). Тисовый гроб известен и по слав<янским>, в частности укр<аинским>, нар<одным> песням, ср.: “Ой, умру я, мій миленький, умру / Зроби міні тисовую (вариант “кедровую”) труну” (см.: Перетц. Слово. С. 248)» [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 5: 32].

И там же в статье **тис**: «В наст<оящее> время общепринятым стало сохранение эпитета “тисовая” (а не “тесовая”, как полагали некоторые комментаторы и переводчики); кроме того, всеми исследователями признается символич<еское> значение этого образа в С<лове> в общем контексте зловещих примет» [Там же, т. 5: 116].

¹ «Сани» в «Поучении Мономаха» принадлежат высказыванию «Съдя на санех, помыслих в душе своей и похвалих Бога, иже мя сихъ днєвь грѣшнаго допроводи» в написанной Владимиром Мономахом поучительной «грамотице» детям. Объяснение «седа на санех» Д. С. Лихачева: «Это выражение следует понимать как образное. Оно может иметь значение “в преклонных годах”, “на краю смерти”. Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая» [Лихачев 1969: 710].

Тем не менее, понимание «кровати тисовой» как кровати Святослава, сделанной из дорогого дерева (тиса), что и повлияло решительным образом на ее толкование как великокняжеской кровати, вряд ли можно считать правильным. Ладно бы упоминание об этой кровати содержалось в авторской речи. Но с какой стати Святослав стал рассказывать своим боярам, на какой драгоценной кровати он спит? Это предмет его гордости? Или они этого не знали? Вряд ли. Или почему у кровати великого князя, его обычного спального места, могли вдруг проявиться какие-то зловещие свойства? И как совместить в толкованиях противоположные характеристики тиса — магическое средство против болезней и других бед [Шарлемань 1954: 226] и мистическое значение дерева смерти [Сапунов 1961: 325]? Все это наводит на мысль о том, что главным здесь является не бытовое, а символическое значение. И вряд ли речь здесь идет о кровати из дорогого дерева. Более того, слова «на **кроваты тисовъ**», открывающие зловещий сон, в котором Святослав видит себя покойником, — это, скорее всего, вообще не про кровать как таковую. Прямого значения кровать как постель, спальное место здесь, видимо, не имела вовсе. По-видимому, **кровать тисовая** — это образ, целостная конструкция, которая является эвфемизмом лавки, на которую клали покойника до положения его в гроб. При этом важным в этом образе является указание на степень выделки ее поверхности: она гладкая, из вытесанных досок, что и соответствует часто встречающейся в фольклоре «тесовой кровати», где какой-либо скрытый смысл отсутствует. Соответственно, слово «тисовая» надо считать искажением понятия «тесовый», как это и понимали первые исследователи и переводчики, и означает не вид дерева, а просто **тесаную**, возможно даже голую, деревянную поверхность. Поэтому не существенно, из дерева какой породы она была сделана. К примеру, у А. С. Пушкина в «Сказке о рыбаке и рыбке» в описании «изба со светелкой... с дубовыми, тесовыми вороты» материал указан отдельно от характеристики его обработки, которая обозначена эпитетом «тесовые».

Довольно многочисленные упоминания кроватей, как «тисовых», так и «тесовых», в фольклоре, приведенные в работах различных исследователей, по-видимому, связаны с тем, что кровать сама по себе представлялась в народе ценностью: в основном спали если не на полу, то на печи, на полатах, да на лавках. Характерно, что все эти примеры соответствуют исключительно прямому предметному значению слова. При этом, ввиду довольно позднего происхождения, они не могут служить надежным подтверждением первичности той или иной версии (тисовая или тесовая) в «Слове», особенно с учетом неуверенной фиксации гласных

в украинском (*тісова* и *тисова*) и неточной передачи их в белорусском (*цісовой кровати*). Более того, ни в каких примерах из фольклора ни «тисовая», ни «тесовая» кровать не является смертным одром и не имеет каких-либо негативных черт. А кроме того, тисом на Руси могли называться и кедр, и простая сосна [Срезневский 1912: 960].

Необходимо также заметить, что мысль о замене исходного «тисова», которое в сочетании с «кроватью» некоторые исследователи склонны считать традиционным эпитетом [СПИ 1985: 463], на «тесова» в фольклоре весьма спорна из-за различия в ударении: в «тисова» ударение приходится на первый слог, на что уверенно указал В. В. Колесов [Колесов 1976: 70], в то время как в песнях и былинах [Перетц 1926: 247–248] в обоих вариантах, и «тесовая» («цясовая»), и «тисовая» («цисовая»), даже при упоминании «тисовой труны» (гроба), ввиду чередования с «тесовую» и «кедровую», ударение явно приходится на второй слог. Поскольку ударение в «тисова» на первом слоге, что соответствует кровати из тиса, не является характерным для живой речи, то недостаточно достоверной представляется сама запись «тисовый» в приведенных В. Н. Перетцем примерах словосочетания «кровать тисова» из русского и украинского фольклора. Зато на письме весьма вероятно обратное: переписчик «Слова», знакомый с библейскими преданиями, в которых встречаются слова «тисов», «тисие», не восприняв «кровать тесову» в данном контексте как эвфемизм для лавки (а в прямом смысле это выражение в отношении великого князя просто не имеет смысла), приукрасил ее и таким образом создал великому князю кровать из красного дерева (если это не просто ошибка в написании слова «тесова»). Либо нужно считать наслоение «тисовый — тесовый» весьма древним, ввиду неудобства произношения слова «тисовый» с ударением на первом слоге.

Следует отметить, что толкуемая как ложе кровать в примерах, приведенных в Словаре-справочнике В. Л. Виноградовой [Виноградова (сост.) 1969: 29], безусловно, означает конкретное ложе (для сна, отдыха либо брачное). Тем не менее один пример из Словаря-справочника представляется довольно близким к кровати Святослава. Это описание захоронений сановников в Иерусалиме из «Хождения старца Арсения Суханова в Иерусалим» (1649–1653 гг.), хотя, в отличие от кровати Святослава, это описание не содержит никакой иносказательности: «Въ дикомъ камени изсѣчены полатки многия... а во всѣхъ тѣхъ полаткахъ изсѣчены изъ тогожь камени кровати великия, и на тѣхъ кроватиѣхъ полагають безъ гробовъ тѣлеса», где кровать является не ложем, а скорее ложементом (здесь эпитет «великия», вероятно, характеризует не размер отдельной «кроватьи», а их количество). В том же «Хождении» упоминается каменная лавка,

на которой лежало тело Христа. А на Руси лавки, естественно, были деревянными, тесаными, или тесовыми.

Очень близко к предлагаемому пониманию подошел еще в 1955 г. Н. В. Шарлемань, написавший: «В народной песне, записанной в середине XIX в., поется:

“Да положить мое біле тило на тисовій лави,
Да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую...”

Итак, надо полагать, что “кровать тисова” в “Слове о полку Игореве” должна рассматриваться не только как кровать князя из прочного дерева, но и как его смертное ложе» [Шарлемань 1955: 9]. При этом, однако, он продолжал считать основным признаком иносказательности свойства тиса, хотя дорогая тисовая лавка в народной песне, т. е. как обыденный предмет быта, — это уже явный перебор. Ладно еще долговечный тисовый гроб (труна). Однако само по себе упоминание лавки раньше, чем гроба, вполне согласуется с предположением о том, что «кровать тисова (тисова)» в «Слове» является эвфемизмом лавки как смертного ложа.

Добавим к этому сказанное в комментарии к последнему изданию «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта»: «В “Слове” упоминание о “кровати тисовой” могло быть символом смерти и гроба (? — В. М.)» [Мещерский, Бурыкин 1985: 463]. Однако во сне Святослава «тисова кровать» — это еще не гроб. Но это вовсе не кровать, и описание сна оказывается более пугающим, чем в случае упоминания настоящей кровати, на которой спал Святослав.

Отметим также и отличие от высказанного Н. В. Шарлеманем предположения о символической близости «кровати тисовой» и «саней» Владимира Мономаха: в «Поучении Мономаха» «седя на санех» — скорее, просто фигура речи, а «на **кроваты тисовѣ**» — типичный эвфемизм, иносказательное представление предмета. При этом, по-видимому, как и «седя на санех», выражение «на кровати тисовой» не подлежит переводу, а должно только найти отражение в комментариях.

Кроме сказанного о **кровати**, представляется уместным сделать здесь еще одно замечание к рассматриваемой строке текста. Общепринятым в этой строке является исправление представленной, как в первом издании «Слова», так и в Екатерининской копии, глагольной формы «одѣвахъте мя» на «одѣвахуть мя». Это исправление является настолько признанным, что в Словаре-справочнике В. Л. Виноградовой и в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» представлена только исправленная форма «одѣвахуть». Тем не менее такое исправление представляется довольно спорным, поскольку оно основано исключительно на предположении

об однородности этого глагола и следующих далее трех других, употребленных в 3-м лице множественного числа:

«Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно,
и нѣгуютъ мя».

Не исключено также, что при отсутствии указания субъектов действия эта унификация возникла в связи с неудобством перевода рассматриваемой фразы на современный язык, где формы прошедшего времени во всех трех лицах множественного числа одинаковы.

Однако формальное подобие должно быть оправдано смыслом. Здесь это не так, потому что Святослав, несомненно, обращается к своим боярам, что совершенно правильно отразили в параллельном переводе первые издатели: «одѣвали вы меня (онъ Боярамъ рассказывалъ) черным покровомъ на тесовой кровати». А вот последующие операции (черпание вина, обсыпание жемчугом и умащивание тела) могли выполнять приближенные более низкого ранга или даже слуги, и поэтому там — обезличенная форма 3-го лица: **чръпахуть ми, сыпахуть ми, нѣгуютъ мя**. Так что для перевода **одѣвахъте мя** в 3-е лицо нет достаточных оснований. Тем более что первое высказывание в исходном тексте отделено от последующих трех точкой, а глагол **нѣгуютъ** и вовсе стоит в настоящем времени. Кроме того, на 2-е лицо довольно определенно указывает и сохранившееся изначальное окончание *-те*. А ошибочное для 2-го лица множественного числа имперфекта *-хъ* вместо правильного *-с* (ср. «Не побѣдными жребии собѣ власти **расхытите!**» в обращении Святослава к волынским князьям) могло возникнуть в результате «забегания» вперед, аналогичного ныне принятой конъектуре, при переписывании текста. Поэтому, в соответствии с контекстом, более логичным представляется исправление **одѣвахъте** первого издания на **одѣвасте**, при котором начало сна Святослава предстает в следующем виде:

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ.
«Си ночь съ вечера одѣва<с>те мя, — рече, —
чръною паполомою на кровати тисовѣ.
Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено;
сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя».

При этом масштаб предлагаемого исправления остается таким же, как и при ныне принятой конъектуре — замена двух знаков, но фонетически это исправление менее значимо.

Второе упоминание **кровати**, содержащееся в описании гибели юного князя Изяслава из потомков (правнука) Всеслава Полоцкого в сражении с литовцами, —

«Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія;
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепань
Литовскими мечи.

И **схоти ю на кровать**, и рекъ:

“Дружину твою, Княже, птицъ крылы приодѣ, а звери кровь полизаша.
Не бысь ту брата Брючяслава, ни другаго — Всеволода;
единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресь злато ожереліе”.
Унылы голоси, пониче веселіе.
Трубы трубять Городеньскіи» —

в отличие от первого, находится в составе признанного «темного места» «И схоти ю на кровать, и рекъ», которое в первом издании «Слова» переведено весьма свободно — «На семь-то одрѣ лежа, произнесъ онъ: “Дружину твою, Князь, птицы приодели крыльями, а звѣри кровь полизали”» [СПИ 1952: 33–34]. Переводу первых издателей следовал В. А. Жуковский: «И на сем одре возгласил он...». Наиболее близкая к тексту первого издания, но совершенно неконтекстная в прямом понимании, версия **и с хотию на кровать** в различных вариантах толкования в переносном смысле с довольно сложными построениями объяснений символического характера (кровать–земля, хоть–жизнь, отождествление смертного и брачного ложа) поддерживалась в свое время Барсовым, Потебней, Ржигой, Орловым, а во второй половине XX в. — Стеллецким, Комлевым, что связано со стремлением исследователей сохранить в наибольшей степени дошедший до нас текст. Другие исследователи (Грамматин, Грунский) предлагали существенно измененные разбиения отрезка на слова, приводящие к иному пониманию этой строки.

Достоверного понимания фразы достичь не удалось, и во втором издании «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта» составители (Дмитриев, Лихачев), без пометки об отклонении относительно первого издания изменив деление неясного отрезка на слова — «И с хотию на кровать», видимо в соответствии с более ранним переводом А. С. Орлова «и с возлюбленною... на кровать и сказал» [Орлов 1952: 73], ввиду неясности этого высказывания оставили в переводе (О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев) пропуск до слов «и сказал» и указали в комментарии: «Это одно из наиболее испорченных мест “Слова”. Ни одна из предложенных попыток его истолкования не может быть принята с полной уверенностью»

[СПИ 1967: 513]. Словарь-справочник В. Л. Виноградовой в статье **хоть**¹ приводит эту фразу с таким же делением на слова и толкованием **хоти** как «любовницы, наложницы».

В поисках более приемлемого прочтения загадочной фразы в более поздних изданиях «Слова» появилось несколько вариантов, основывающихся на иных разбиениях «темного» отрезка на слова.

Один из основных вариантов прочтения представлен в изданиях Д. С. Лихачева: «и с хотию на кров, а тѣи рекъ». Объяснительный перевод: «был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими со своим любимцем, а тот и сказал: “Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями придела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!”» [Лихачев 1976: 138, 68].

В последней своей интерпретации «Слова» к версии, поддерживаемой Д. С. Лихачевым, склонился и Л. А. Дмитриев: «и с хотию на кровь, а тѣи рекъ» — «Литовскими мечами погублен был вместе со своим любимцем, на крови, а тот сказал» [Дмитриев 1997: 151, 158].

Что касается этого прочтения, то трудно не согласиться с М. В. Щепкиной: «Слово “хоть”, один раз встреченное в “Слове о полку Игореве” (“своея милья хоти Глебовны”), привлекло внимание исследователей, и его охотно вчитывают в другие места поэмы». Сама М. В. Щепкина предложила прочтение «исхыти юна кровь а тѣи рек[л] бы» с переводом «Источил юную кровь, а тот сказал бы» [Щепкина 1953: 23]. Впоследствии многие исследователи согласились с таким толкованием, внося лишь небольшие стилистические уточнения:

«Исходи юна кровъ, а тѣи рекъ» с переводом «Текла юная кровь его, и сказал он: “Дружину твою, о князь, птицы крыльями придели, а звери кровь полизали!”» [СПИ 1985: 31, 43];

«Исхыти юна кръвь, а тои рекъ» — «Юная кровь полилася, и сказал он: “Дружину твою, князь, птицы крыльями прикрыли, а звери кровь ее полизали!”» [Косоруков 1986: 199, 240].

Таким образом, основную трудность для толкования ныне представляет даже не **кровать**, фактически исключенная из рассмотрения и сократившаяся до **кров(ь)**, а начало фразы, разделившее исследователей на два лагеря — одни сохраняли **хоть** как существительное с вариациями прочтения «с возлюбленною» (Орлов), «со своим любимцем» (Лихачев), другие рассматривали слитное «исхоти» как глагол «исходи» (Мещерский, Бурыкин) либо «исхыти» (Щепкина, Косоруков). Однако и в том, и в другом случае наблюдаются явные натяжки, касающиеся персонажа, которому принадлежит высказывание после слов «а тѣи рекъ», и вне довольно вольного толкования, предлагаемого автором конъектуры, сохраняется неопределенность — кто такой этот «тѣи»? Варианты предлагались

разные: сам Изяслав (Косоруков, Мещерский), его любимец-хоть (Лихачев, Дмитриев), Боян (Щепкина). Эта неопределенность, оставляющая за автором «Слова» сомнительную недосказанность, и является основным недостатком этих версий.

Для устранения этой неопределенности и придания фразе конкретного смысла необходимо рассматривать ее в более просторном окружающем контексте. В результате такого рассмотрения предлагается прочтение:

«И **къ** отцю на кров<ъ>, а ты рекъ», т. е. «к отцу в укрытие, под защиту, а тот сказал».

Видимо, смертельно раненый Изяслав прибежал «на кров» (в укрытие, в убежище), т. е. спасаться, к своему отцу Васильку и там умер.

Значение слова **кровъ** как *защита, покровъ* (покровительство — В. М.) представлено в словаре И. И. Срезневского с цитатой из XI в.: «Не своимъ тыштаниемъ и троудъмъ, нъ Б(о)жиемъ кровомъ и по(мо)штью гонезаеъ недоуга сего».

При этом горестная прямая речь «того» — отца Изяслава, князя Василька — «дружину твою, Княже, птиць крылы приодѣ, а звери кровь полизаша» — не заканчивается этими словами, а продолжается вплоть до авторского «Уныли голоса, поникло веселие» и включает заочный укор двум другим сыновьям, братьям Изяслава, не пришедшим ему на помощь:

«Не бысь ту брата Брячяслава,
ни другаго — Всеволода», —

и скорбную эпитафию погибшему:

«единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе».

Таким образом, полагаем, что в этом эпизоде не было ни кровати, ни хотя бы, тем более с экзотическими объяснительными построениями, основанными на их символических толкованиях, а был безымянно упомянут еще один вполне естественный для данной истории персонаж — князь Василько, отец трех братьев Брячяслава, Всеволода и Изяслава, а история гибели юного князя Изяслава в целом изначально выглядела так:

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія;
притрепа славу дѣду своему Всеславу,
а самъ подъ чрънеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ
Литовскими мечи.

И къ отцю на кров<ъ>, а ты рекъ:

«Дружину твою, Княже, птиць крылы приодѣ,
а звери кровь полизаша.

Не бысь ту брата Брячяслава,
ни другаго Всеволода;
единъ же изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожереліе». Унылы голоси, понице веселіе.
Трубы трубять Городеньскіи.

Историческую персонификацию князя Василька и его сыновей здесь не рассматриваем, поскольку ввиду недостатка летописных подтверждений она, как правило, оказывается запутанной и противоречивой. Весьма подробное рассмотрение этого вопроса можно видеть в работе А. П. Комлева и К. К. Белокурова «“Слово о полку Игореве”: Заметки об исторических временах и лирических пространствах» [Комлев 1985: 176].

По-видимому, основным искажающим фактором при копировании текста оказалась буква «с», что привело к изменению управления в этой фразе: вместо «куда?», «к кому?» возникло «с кем?». Соответственно, предлагаемое прочтение к уже известным исправлениям текста первого издания добавляет изъятие этой буквы путем исправления «сх»-«къ» и одновременно замену «и»-«ц»: «схоти ю» на «къ отцю».

Нужно признать, что палеографическое обоснование предлагаемой конъектуры довольно затруднительно. Однако, полагая правильным исходное «къ отцю», получить из него «схоти ю» можно, предположив возникновение «сх» на месте «къ». В некоторых почерках «к» писалась в виде двух отдельных элементов — «стойки» и «левой угловой скобки». Вполне вероятно, что, написав «мечи и» (без разделения, четыре или пять мачт подряд), переписчик отвлекся, а затем продолжил письмо, приняв последнюю мачту за первый элемент буквы «к», в результате чего возникло «ис». В свою очередь, «ъ» мог быть написан с диагональным наклоном и с увеличенной петлей. И, если петля в конце имела еще небольшой нахлест, то при некоторой порче оригинала знак мог быть прочитан как «х». Слово «отцю», как правило, пишущееся под титлом, могло быть написано в раскрытом виде и без «ь» между «т» и «ц», что вполне приемлемо для «Слова» (см. «Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего... ко святѣй Софіи къ Киеву»). Что касается «ц», то она отличалась от «и» лишь «хвостиком» справа внизу, который мог утратиться по причине потертости рукописи или отнесения его при чтении к нижней строке. Исчезновением этого ранее существовавшего «хвостика» может быть объяснен и пробел перед «ю» (которая в изданиях «Слова» давно незаметно приросла как окончание к «хоти»), поскольку буква «ц», видимо, занимала в строке несколько больше места, чем ошибочно заменившая ее «и».

Безусловно, как и другие версии прочтения этого «темного» места «Слова», и особенно ввиду довольно существенного объема вносимых

изменений предлагаемая версия является гипотетической. Однако в контексте всей истории юного Изяслава она имеет смысла больше, чем известные конъектуры, поскольку позволяет уйти от туманных символических трактовок фразы и перевести ее в пространство реальных событий, одновременно избавившись от сомнительного толкования *хоти* как персонажа мужского пола и связанного с этим грамматического диссонанса, поскольку мужской вариант этого существительного требовал бы формы «с хотиемъ», а не «с хотию», на что обратил внимание О. В. Творогов в энциклопедической статье *хоть* [Творогов (отв. ред.) 1995, т. 5: 192].

Таким образом, есть основания считать, что ни одна *кровать* из упомянутых в тексте «Слова» кроватью как таковой не является: первая — потому, что является частью эвфемизма «кровать тисова (тесова)», иносказательного описания другого предмета (лавки), а вторая не существовала вообще и возникла вследствие неверного «нарезания» слов при прочтении «темного» места текста.

Источники

СПИ 1952 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. 308 с.

СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.

СПИ 1985 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.

Литература

Виноградова В. Л. (сост.). Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках. Т. 3. М.–Л.: Наука, 1969. 182 с.

Дмитриев Л. А. Слово о полку Игореве // Литература Древней Руси: Хрестоматия (сост. Л. А. Дмитриев. Под ред. Д. С. Лихачева). СПб.: Академический проект, 1997. С. 145–162.

Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1976. Т. XXXI. С. 23–76.

Комлев А. П. (совм. с К. К. Белокуровым) «Слово о полку Игореве»: Заметки об исторических временах и лирических пространствах // Слово о полку Игореве: Древнерусский текст и переложения / Сост. А. П. Комлев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. С. 167–211.

Косоруков А. А. Гений без имени. М.: Современник, 1986. 288 с.

- Лихачев Д. С. Поучение Владимира Мономаха // «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. Ред. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1969. С. 146–171, 709–715.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
- Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. С. 440–483.
- Орлов А. С. Повесть о походе Игоревом, сына Святославова, внука Олегова // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. С. 66–76.
- Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім — пам'ятка феодальної України-Руси XII віку. Українська Академія Наук. Збірник історико-філологічного відділу. № 33. Київ, 1926. 351 с.
- Сапунов Б. В. Тисовая кровать Святослава (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XVII. М.–Л., 1961. С. 323–326.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. 1684 стб.
- Творогов О. В. (отв. ред.). Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. 387 с.; Т. 5. 399 с.
- Шарлемань Н. В. Из комментариев к «Слову о полку Игореве» («на кровати тисовѣ») // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1954. Т. X. С. 225–227.
- Шарлемань Н. В. Заметки к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1955. Т. XI. С. 7–12.
- Щепкина М. В. Замечания о палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.–Л., 1953. Т. IX, 1953. С. 7–29.

References

- Dmitriev L. A. [“The tale of Igor’s campaign”]. *Literatura Drevnei Rusi: Khrestomatiya* [Literature of Ancient Russia: A chrestomathy]. Compiled by L. A. Dmitriev, ed. D. S. Lihachev. Saint-Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1997, pp. 145–162. (In Russ.)
- Kolesov V. V. [Accent in “The tale of Igor’s campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XXXI. Moscow; Leningrad, 1976, pp. 23–76. (In Russ.)
- Komlev A. P. (together with K. K. Belokurov) [“The tale of Igor’s Campaign”: Notes on historical times and lyrical spaces]. *Slovo o polku Igoreve: Drevnerusskii tekst i perelozheniya* [“The tale of Igor’s campaign”: Old Russian text and arrangements]. Ed. A. P. Komlev. Sverdlovsk, Sredne-Uralskoe Knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1985, pp. 167–211. (In Russ.)

В. И. Максимов. О «кроватях» в «Слове о полку Игореве» («на кровати тисовъ» и «схоты ю на кровать»)
V. I. Maximov. On the “beds” in “The Tale of Igor’s Campaign” (“na krovaty tisove” and “skhoty yu na krovat”)

- Kosorukov A. A. *Genii bez imeni* [Genius without a name]. Moscow, Sovremennik Publ., 1986. 288 p.
- Likhachev D. S. [Vladimir Monomakh’s “Homily”]. *“Izbornik”. Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi* [Izbornik. Collection of literary works of Old Russia]. Ed. L. A Dmitriev and D. S. Likhachev. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1969, pp. 146–171, 709–715. (In Russ.)
- Likhachev D. S. *“Slovo o polku Igoreve”. Istoriko-literaturnyi ocherk* [“The tale of Igor’s campaign”. Historical-literary essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 175 p.
- Meshcherskii N. A., Burykin A. A. [Comments on the text “The tale of Igor’s campaign”]. *Slovo o polku Igoreve. Biblioteka poeta. Bol’shaya seriya* [“The tale of Igor’s campaign”. Library of the poet. Big series]. 3-d ed. Leningrad, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1985, pp. 440–483. (In Russ.)
- Orlov A. S. [The tail of the campaign by Igor, son of Svyatoslavov, grandson of Oleg]. *Slovo o polku Igoreve. Biblioteka poeta. Bol’shaya seriya* [“The tale of Igor’s campaign”. Library of the poet. Big series]. Leningrad, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1952, pp. 66–76. (In Russ.)
- Peretc V. N. *Slovo o polku Igorevim – pam’yatka feodal’noi Ukraïni-Rusi XII viku* [The tale of Igor’s campaign – a memorial of feudal Ukraine-Russia of 12th c.]. Ukraïns’ka Akademiya Nauk. Zbirnik istoriko-filologichnogo viddilu № 33. Kiïv, 1926. 351 p.
- Sapunov B. V. [Svyatoslav’s Yew Bed (From a real commentary on the “Tale of Igor’s campaign”)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XVII. Moscow; Leningrad, 1961, pp. 323–326. (In Russ.)
- Sharleman’ N. V. [From the comments on “The tale of Igor’s campaign” (“on the yew beds”)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. X. Moscow; Leningrad, 1954, pp. 225–227. (In Russ.)
- Sharleman’ N. V. [Notes to “The tale of Igor’s campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XI. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 7–12. (In Russ.)
- Shchepkina M. V. [Remarks on the paleographic features of the manuscript “The tale of Igor’s campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. IX. Moscow; Leningrad, 1953, pp. 7–29. (In Russ.)
- Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian language]. 1912. Vol. 3. 1684 col.
- Tvorogov O. V. (ed.). *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve”* [Encyclopedia of “The tale of Igor’s Campaign”]. In 5 vols. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. Vol. 3. 387 p. Vol. 5. 399 p.
- Vinogradova V. L. (auth.). *Slovar’-spravochnik “Slova o polku Igoreve”* [Reference book of “The tale of Igor’s campaign”]. In 6 vols. Vol. 3. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1969. 182 p.